

Виктор АРНАУТОВ

ВЕРНЫЙ ТЕМЕ СВОЕЙ...

(О писателе В. С. Рехлове)

18 января 2011 года в зале Дома литераторов Кузбасса открывали мемориальную фотогалерею кузбасских писателей, ушедших в мир иной. Дело весьма благородное. Хотя фотографии, прямо скажем, не ахти: и качество желает лучшего, и формат мелковат, и вираж коричневатый, и надписи под ними едва читаются даже в очках, и расположены они хаотично. Три ряда, по четырнадцать портретов в каждом. Сорок два писателя за полсотни лет – совершенно разных как по таланту, стилю, вкладу в литературу, так и по судьбам своим. Одно их объединяет – упоминание уже в прошедшем времени.

Я вглядываюсь в эти лица. Некоторых, таких как Геннадий Молостнов, Герберт Генке, Тамара Ян, Анатолий Срывцев, Геннадий Емельянов, Виктор Чугунов, Алексей Абрамович, вижу впервые. Тут же, вперемежку с ними, и хорошо узнаваемые, ещё совсем недавние мои коллеги и даже друзья-приятели: Валентин Махалов, Семён Печеник, Анатолий Кругляков, Владимир Матвеев, Костя Акатнов, Валера Ковшов, Евгений Левшов, Тамара Страхова, Тамара Рубцова...

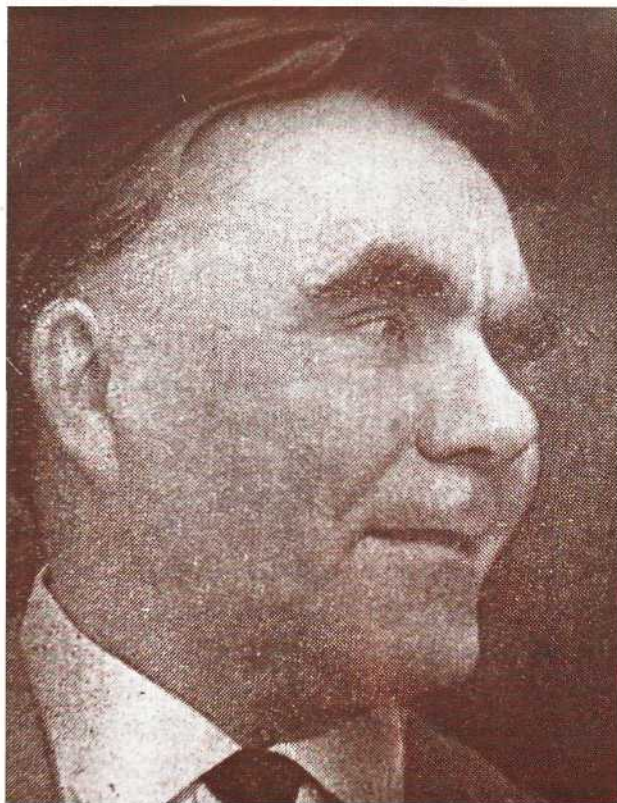
– А этот где? – спотыкаясь в памяти, спрашиваю у стоящих рядом со мною писателей Владимира Иванова и Сергея Павлова.

– Кто, этот? – недоумевают они.

– Ну, который повесть про Михайлу Волкова написал. Как его фамилия, запомнил...

Мне становится неловко и стыдно за свою амнезию. А ещё стыднее за то, что фотографии этого прозаика не оказалось в галерее. Замкнуло с памятью и у Володи с Сергеем.

– Рехлов, – подсказывает нам преподаватель литературы из колледжа культуры Ирина Алексан-

● **Виталий Степанович Рехлов**

дровна Фролова, между прочим, тоже член Союза писателей России, поэтесса.

– Да, да, Рехлов! Кажется, Виталий Степанович! – включаемся мы. – Как же его-то забыли сюда поместить?!

– Фотографии не могли найти, – виновато оправдываются подошедшие к галерее Борис Васильевич Бурмистров и Дима Мурзин.

– Надо эту нелепость устранять, – бездарсно говорю я.

– Как?

– Искать фотографии. Ведь не так уж и давно он скончался. Где-то в середине семидесятых годов, – припоминаю я вычитанное в дневниковых записях у Михаила Небогатова.

Ещё один эпизод, описанный Геннадием Евлампиевичем Юровым – известным поэтом, писателем-публицистом, радетелем краеведческой справедливости и, пока ещё, слава богу, живым очевидцем, носителем и хранителем недавней истории.

«Летом 1971 года в помещении театра оперетты праздновалось 250-летие Кузнецкого бассейна. Дата исчислялась с того момента, когда рудознатец Михайло Волков нашел «горючий камень» на склоне горы Горелой. Произошло это в 1721 году на правом берегу Томи. Писатель Виталий Степанович Рехлов, известный как автор повести о рудознатце Волкове и других произведений, связанных с горным делом в старом Салаире, с русскими землепроходцами... жил на первом этаже дома, что рядом с театром оперетты. Когда участники торжественного собрания следовали мимо отмечать событие, о котором он, Виталий Рехлов, написал популярную книгу, писатель вышел из подъезда, опёрся на костыли и наблюдал из-под кустистых лохматых бровей. А когда двери театра закрылись и оттуда донеслись аплодисменты, писатель сел на лавочку и заплакал...»

Надеюсь, понятно всем, что это были не слёзы радости и умиления, а жгучей обиды от незаслуженного забвения. Забыли. И тут забыли... Не скоро ли?

И горько сделалось мне. И появилось желание сначала непременно отыскать фотографию Виталия Степановича, поместить её в фотогалерею, а затем написать и очерк о нём, исправляя вольно или невольно совершенные чужие упущения. И пришла на ум мне телепередача «Чтобы помнили» – об ушедших знаменитых артистах, которую много лет вёл удивительный человек – актёр, режиссёр, остроумнейший писатель, тяжело больной Леонид Филатов...

А за семь лет до упомянутого Г. Юровым эпизода в газете «Кузбасс», по случаю пятидесятилетнего юбилея прозаика Рехлова, В. Карпович написал: «Живёт здесь, рядом с нами человек сильный,

могучий и крепкий, как вековой дуб. Он выстоял бури, грозы и победил. Победил штормы жизни, победил самого себя». Так кто же он, Виталий Рехлов, что мы знаем о нём?

Виталий Степанович Рехлов родился 3 апреля 1914 года в старинном сибирском селе Копены Красноярского края, на берегу Енисея. С ранних лет в семье Виталия, от поколения к поколению, передавалось предание о том, что их прапрадед за участие в Стрелецком бунте при Петре Первом был пытан на Москве и сослан в Сибирь.

«Родители мои, и дедушка с бабушкой, любили меткое народное слово, удачную шутку, – вспоминал писатель. – С малых лет ценить это богатство, с уважением относиться к прошлому учились и мы, дети».

С огромным увлечением, будто зная наперёд, что это пригодится ему, слушает он рассказы и предания взрослых об алтайских рудниках и заводах, о непомерно тяжелом труде на них простых рабочих и их малолетних детях, о безжалостных мастерах-бергалах.

В то переломное и бурное время (Первая мировая война, революции, гражданская война и последовавшие за ними разруха) детство и отрочество будущего писателя безмятежно-спокойными быть не могли. К труду приобщался с малолетства. Юношеские годы прошли в городе Петрозаводске, у родственников. А в год, когда началось массовое «раскулачивание» крестьянина и высылка на необжитые места, вернулся Виталий обратно в родные края. Коллективизация не обошла и лично его – вступил в колхоз. Был комсомольцем, искренне верил в светлое будущее. По комсомольской мобилизации оказался на шахте, работал простым шахтёром. Попав в Кемерово, учился в школе ФЗУ при химическом заводе.

По путёвке крайкома комсомола он едет на культурно-просветительскую работу в сёла Красноярского края. Стремление быть всегда на передовой и в курсе событий привело его к тому, что он начинает писать небольшие заметки и корреспонденции в газеты. И уже в 1934 году, двадца-

тилетним, он становится корреспондентом газеты «Советская Хакасия», а немного позднее – «Красноярский рабочий».

В голодные годы коллективизации, обнищания деревни и первых пятилеток он видит стремительное преобразование города, невероятный энтузиазм молодёжи, самоотверженность набирающего силу рабочего класса. И сам он – как в песне более позднего времени – готов хоть «трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете».

Зимой 1940 года по заданию редакции газеты он отправляется на Таймыр – самый север Красноярского края и попадает в затяжную пургу. Чудом остаётся жив. Однако пурга та не проходит бесследно. От переохлаждения всего организма он тяжело заболевает, отказывают ноги. Болезнь приковывает его к постели... А ему – всего-то 26 лет! Не напоминает ли это всем нам легендарного Николая Островского? Виталий пытается противиться болезни! Журналистская работа приводит его в газеты «Кузбасс», а позднее и «Комсомолец Кузбасса».

Вспоминает Р. Лобанова:

«1950 год. Редакция «Комсомольца Кузбасса». Примостившись к одному из столов, сидел бледный чернобровый человек. Рядом с ним стояли костыли. В этой же комнате, на дне большого желтого шкафа, под ворохом газетных подшивок, лежал полосатый матрац. Виталию Рехлову всё труднее становилось добираться до дома на правый берег Томи, и он всё чаще оставался ночевать в редакции. А потом и это стало невозможным – болезнь цепко ухватила за него и навсегда оторвала от любимого дела. Время от времени имя Рехлова всё же появлялось в газетах. То заметка на тему дня, то рецензия на новую книгу. Потом вышла его брошюра «В помощь редактору районной газеты». Это были дружеские советы братьям по перу человека, влюбленного в родной язык, непримиримого к неграмотности.

Не сдаётся Виталий. В его голове зреют замыслы творческие – написать книгу на те самые

историко-событийные темы, отталкиваясь от семейных преданий и скупых строк официальных документов. И решается поведать он о первооткрывателе кузнечных углей, рудознатце Михайле Волкове. А толчком послужила статья из «Горного журнала» за 1915 год, в которой инженер Н. Я. Нестеровский сообщает о случайно обнаруженной рукописи 230-летней давности, в которой некий «Волков заявлял по Томи, в семи верстах от Верхо-Томского острога горелую гору от двадцати саженой высотой». И было то в 1721 году.

Сообщение это явилось неоспоримым приоритетом открытия кузнечных углей русским человеком, а не иностранцами, как до того времени считалось в официальной геологической науке.

А ещё был документ, указ царя Петра Первого, о создании в 1719 году Берг-коллегии, по которому давалась широкая дорога изысканиям всевозможных полезных ископаемых на обширной территории Российской империи: «Соизволяется всем, и каждому даётся воля, какого бы чина и достоинства ни был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях искать, копать, плавить, варить и чистить всякие металлы, сиречь: золото, серебро, медь, олово, свинец, железо, також и минералов, яко селитра, сера, купорос, квасцы и всяких красок, потребные земли и камня... А тем, которые изобретенные руды утаят и доносить о них не будут, объявляется наш жестокий гнев, неотложное телесное наказание и смертная казнь».

Очень скуден и крайне невелик был материал об этом первооткрывателе «горючего камня» на земле кузнецов. Не было и доподлинно известно, кто же он, Михайло Волков? По одним слухам – он происходил из тобольского казачьего рода, по другим – был крепостным крестьянином Центральной России, которого барыня отпускала на долгое время на оброк. Вот тут-то и нашло своё воплощение писательское воображение Виталия Рехлова, обе версии о происхождении Михайлы Волкова он очень удачно обыгрывает в сюжете о рудознатце. А ещё были невероятные по сложности и необычные по ходам документальные разыскания, из-

влечения из подлинников и мемуаров фактов, на основе которых и строится вся сюжетная и идейная линия художественного произведения.

И потянулись дни и даже годы кропотливого, напряженного труда, порой невыносимого из-за тяжелой болезни. Десятки, сотни книг, отовсюду – о Сибири и Кузнецком угольном бассейне: сочинения Гмелина, Фалька, Палласа, Германа, Чихачёва, Яворского, Усова, Мушкетова. Книги, книги, книги... Почти десять лет пришлось ему пробиваться на своих страницах до горы Горелой, открытой Михайлом Волковым. «Шел медленно, словно всматриваясь в глубь веков, сверял каждый свой шаг по компасу истории, не давая себе передышки и не устраивая привалов. При этом, сомневаясь: может быть, не стоит и продолжать, может, взялся за непосильное дело?» – напишет о нём к пятидесятилетию Р. Лобанова.

И уже с первой книгой-повестью Виталий Рехлов принёс в литературу свою, глубоко выношенную, определённо-очерченную тему, которой он останется верен до конца дней своих – тему исторического повествования на местном, кузнецком материале.

В одиннадцатом номере журнала «Огни Кузбасса» за 1958 год была напечатана повесть, названная в первоначальном варианте «Рудознатец». Иллюстрации к ней выполнил замечательный кузбасский художник Герман Захаров. Об этом явлении в своих дневниковых записях литературный хроникёр, поэт Михаил Александрович Небогатов отметит:

«1 октября 1958 г. вышел в свет альманах «Огни Кузбасса». Центральное место занимает в нём повесть В. Рехлова «Рудознатец» – о первооткрывателе кузнецкого угля Михайле Волкове. Я рад за Рехлова. Он – инвалид (парализованы обе ноги, почти не двигаются), над повестью этой работал долго, упорно, перечитал уйму архивных материалов, работал, можно сказать, без особенной надежды на успех, самоотверженно, и вот – труд напечатан. И морально поддержали мужика, и материально...»

Судя по повести, Михайло Волков был рудознатцем-самоучкой. Отправляясь на поиски месторождений, оброчный крепостной крестьянин надеялся на удачу: «Наткнулся, думаю, на богатую руду, получу знатное вознаграждение – тогда с барыней о выкупе говорить можно. Страсть как хочется мать, жену, сына видеть вольными... Перевёз бы их в Сибирь. Покою не даёт мне эта думка».

Само открытие «горючего камня» произошло едва ли не случайно. И описано это событие лишь в «шестой вехе», почти в финале повести. Вот как это произошло по Рехлову:

«...Окинув небо, гребец задержался взглядом на береговом обрыве... Что такое? Оттуда лениво тянется струйка бледного, временами чуть-чуть желтоватого дыма. Мелькнула мысль, что дым – от костра, который палит человек. Однако тут же это предположение отпало: горит в обрыве. Сразу в нескольких местах из слоя тёмной земли, что в саженях десяти от низа, вырывается дымок».

Из разговоров с местными Волков узнаёт, что «камни горят уже годов с два десять или поболее». Прихватив с собою верёвку, кайлу и большой берестяной кузов, он отправляется к месту, откуда исходили дымы. «Глянул вниз и вдруг увидел блестящий на солнце тёмный пласт в обрыве, как начинку в пироге». Поработав кайлой, понял, что «долбить хватит; скопилась изрядная куча чёрных камней, выделяющихся своим маслянистым блеском на сером песке и гальке прибрежной». Распалив костёр, навалил он в него добытых камней и «показалось, что камни тоже горят. Без пламени, распространяя сладкоудушливый смрад. Горят!». Тут же возникла заманчивая мысль: «знатное подспорье дровам, а может и ...замена! Воображение живо дорисовало картину: к заводским домнам, горновым, молотовым фабрикам везут не древесное уголье, а этот камень. Впрочем, какой же это камень?! Это – уголье, только каменное!».

Помня приказ Берг-коллегии о предоставлении образцов, «в твёрдый берестяной короб уложил он

фунтов пятнадцать каменного угля, чтобы отправить в горную контору при заявке».

Так ли это было на самом деле – сказать никто не сможет. Да и Виталий Степанович предложил читателям лишь свою художественно-литературную версию знаменательного события земли Кузнецкой. Как бы то ни было, но повесть написана, напечатана в журнале, а уже в 1960 году эта вещь издаётся отдельной книгой в Кемеровском книжном издательстве под названием «Повесть о Михайле Волкове». Редактирует её Нелли Николаевна Соколова. В 1972 году эта книга была переиздана. Как скажет позднее писатель Геннадий Юров, это было началом историко-краеведческой художественной литературы. А Виталий Рехлов явился своего рода первооткрывателем нового направления.

Повесть не осталась незамеченной как среди собратьев-писателей, так и многочисленных читателей. Однако не так безоблачно и радужно оказалось завершение труда для самого автора. Появились и недоброжелатели, и всевозможные критики от литературы, выискивающие в повести просчёты – явные, а зачастую ими же и надуманные.

Так, уже в январе 1961 года в «Комсомольце Кузбасса» была напечатана статья прокопчанина А. Антонова «Повесть о первооткрывателе». Критик, отметив, что «книга Рехлова «Повесть о Михайле Волкове» – первая попытка закрепить в большой художественной форме прошлое нашего края. Это – развёрнутый рассказ о первооткрывателе Кузнецкого угольного бассейна, крепостном рудознатце Михайле Волкове. Писатель шел по неисследованной целине, и тем не менее лишь на немногих страницах чувствуется настоящая новизна повествования».

А далее идут обвинения автора повести в недостаточной глубинности образов, их схематичности и поверхностности; что Виталий Рехлов лишь видит своих героев в разных ситуациях, но не чувствует их; что останавливается на полпути, не дорисовывая портретов, отчего они выглядят плоскими и плакатными. Обвиняется повесть и в размытости сюжетных линий, что автор якобы порой

совсем теряет из вида своего главного героя – в погоне за описанием многочисленных эпизодических персонажей, что факты русской истории остаются лишь своего рода хронологическим довеском.

Предъявляет претензии критик и к стилю, языку повести, где будто бы авторское повествование и речевой колорит героев существуют безо всяких проникновений друг в друга, и поэтому языковой стиль всего произведения выглядит как плохо испеченный слоёный пирог. Неудачно индивидуализирован язык персонажей. Вердикт критика – и совсем едва ли не убийственный: «В целом, повесть ближе к добротной написанной биографии, чем к большому художественному произведению».

Почти все обвинения указанного оппонента, по-моему, малоубедительны. Это – самое настоящее художественное историческое произведение, где имеют место и правдивые исторические факты, и события, а на этом фоне – художественные обобщения и вымысел. Что касается языка и стиля, то исторические вещи писать вообще трудно. Во-первых, если следовать исторической правде и писать языком того времени, то никто из авторов практически тем языком не владеет – как разговорным, так и литературным. Во-вторых, если написать повесть или роман языком того времени, то вряд ли кто согласится и будет читать такую вещь из современных читателей, по той же причине – незнания языка. А язык даже двухсотлетней давности очень сильно отличается от современного, не говоря уже про более древние времена. Даже литературный язык Ломоносова, Державина, Жуковского, Пушкина, Гоголя. Тем более Тредиаковского, Сумарокова или Антиоха Кантемира...

Относительно сюжетной линии тоже можно поспорить. Всё тут достаточно логично и последовательно. К тому же не так уж много и второстепенных персонажей. А исторические документы и отступления не только вполне уместны, но и необходимы для историко-краеведческого повествования.

Не думаю, что подобная статья пошла на пользу автору и окрылила его на новые произведения.

Скорее она принесла Виталию Степановичу психологический дискомфорт, огорчения и ещё большие физические страдания при его-то жесточайшей болезни.

На мой взгляд, подобный отзыв о повести, пожалуй, можно отнести к такой критике и таким критикам, о которых пишет замечательный и остроумный современный писатель Михаил Веллер: «Критика – это когда он, критик, учит его, писателя, как бы он, критик, написал то, что написал он, писатель, если бы он, критик, умел писать!»

Как ни горько и больно читать подобные отзывы о себе и своих книгах, такими выпадами в свой адрес Виталия Степановича было уже не остановить. Он задумывает написать повесть для детей и подростков – о первых промышленных предприятиях на территориях Алтая и современного Кузбасса: горнодобывающих рудниках, железодобывающих, серебро- и медноплавильных заводах, о тех людях, которые на них работали, об условиях их труда и быта.

А первотолчком к созданию повести послужили найденные документы, потрясшие его. Точнее, это был царский Указ от 1781 года, по которому предписывалось призывать на рудники рекрутским набором всех детей горнозаводских работников, начиная с семи лет.

Рехлов снова берется за сбор документов, изучает местные архивы, консультируется у живущего в Новокузнецке учёного Зворыкина, сидит над рукописями, правя и редактируя их. В результате кропотливейших трудов уже в 1962 году новая повесть «Горные рекруты» выходит отдельной книгой.

«Горные рекруты» – историческое повествование для детей и подростков. В ней – хрестоматийное и доступное для ребят изложение. Яркость образов героев и персонажей непременно сочетается со строгим соблюдением фактов. При этом присутствует и элемент занимательности. Трудно представить в наше время, что не в таком уж и далёком прошлом – десяти-, а то и семилетние Пашки, Сеньки, Тишки, Артюшки просто обязаны были трудиться в невероятно тяжелых условиях

на рудоразработках. Им бы «самые годы в бабки играть, а не каменюки ворочать», – с горечью думает дед Федот, везя деревенских мальцов, как солдат-рекрутов, в Салаир.

И возникают перед глазами читателя картины дикой беспробудной тоски, нищеты и горя наших прапредков – первых сибирских работных людей и их детей – на горных рудниках, сереброплавильных и железодобывающих заводах...

«С интересом читается книга. Язык её сочен и лаконичен. Мастерство писателя несомненно возросло после повести «Рудознатец». Стремление быть полезным людям, принимать участие в воспитании нового человека – вот что является путеводной звездой писателя», – напишут о Рехлове в газете после выхода книги «Горные рекруты».

А между тем «...медленно и всё злее, злее болезнь приковывает человека к постели. С годами ноги перестают повиноваться хозяину. Вся связь с внешним миром – окно, из которого видна часть улицы, да книги. Становится трудно не только передвигаться, но уже и сидеть, а лёжа много не наработаешь», – так напишет в газете «Кузбасс» за 15 июня 1962 года о Виталии Рехлове В. Карпович.

И вот в таких условиях Виталий Степанович отправляется в путешествие по местам его следующей повести о серебряном руднике в Салаир. Этот городок и его окрестности, где будут разворачиваться события повествования, Рехлов изъездит вдоль и поперёк на... телеге в сопровождении директора Гурьевского музея. А героями явятся все те же пацаны, что и в «Горных рекрутах», только немножко подросшие.

О новой повести «Серебряный рудник» её редактор-издатель скажет: «Написана вещь хорошо, и мне, как редактору, работы тут будет мало».

В 1965 году повесть эта издаётся книгой «Серебряный рудник», куда вошла и первая часть дилогии «Горные рекруты».

Труд писателя не остается незамеченным и на официальном уровне. В 1963 году его принимают

в Союз писателей СССР. «Наше отделение пополнилось, – сделает лапидарную запись в дневниках от 18 июня 1963 года М. А. Небогатов, – принят в члены СП Виталий Рехлов. Я рад за него. Заслуживает». Напомню, что Кемеровское областное отделение Союза писателей было образовано лишь год назад, 14 июня 1962 года. Сначала в нём было всего пять человек. В течение года приняли ещё троих, одним из них стал Рехлов. Теперь уже он и сам может давать рекомендации своим коллегам. Первым, кого порекомендует в Союз Виталий Степанович, станет известнейший ныне в Кузбассе и Сибири поэт Виктор Михайлович Баянов.

Семейная жизнь писателя преподносит ему новый поворот и испытания. Жена-врач, фтизиатр по специальности, сама заболевает раком лёгких и после тяжелейшей, скоротечной болезни умирает. Приёмный сын, с которым и раньше были отношения достаточно сложные, почти совсем перестаёт навещать Виталия Степановича. Одно хорошо, живёт он теперь почти в центре города.

В однокомнатной квартире писателя, которую ему выделили из спецфондов на Советском проспекте, собирается большая библиотека. Иногда сюда заходят собратья по перу; порой две-три женщины, среди которых следует отметить Людмилу Владимировну Глебову, Раису Фёдоровну Лобанову и Нелли Николаевну Соколову (жена писателя Анатолия Срывцева). Они помогают больному человеку хоть как-то скрасить своё одиночество, сварить обед, прибраться в квартире, закупить в магазинах продукты.

Вспоминает Н. Н. Соколова:

«Приехали мы с мужем, Анатолием Николаевичем Срывцевым, в Кемерово в 1958 году из Иркутска. И как раз в этом году в журнале «Огни Кузбасса» была опубликована историческая повесть Рехлова «Рудознатец». Я прочитала её. Устроилась работать в книжное издательство. Повесть мне понравилась. Позвонила Виталию Степановичу, сказала ему свои добрые слова о повести. Познакомилась с ним. Потом и муж мой познакомился с ним, много общался с Виталием Степановичем, бывал

у него дома, подолгу разговаривали обо всём. В общем, мы с мужем были постоянно в курсе его творчества и даже замыслов. Как могли, поддерживали его морально. Анатолий Николаевич даже что-то писал о нём... Книжки его, которые издавались после «Повести о Михайле Волкове», встречали как-то хорошо – и писатели, и читатели, в школах, библиотеках города. Когда у Виталия умерла жена и он остался совершенно один, мы с Анатолием Николаевичем какое-то время его даже как бы опекали. Делали для него покупки в магазине. Я с работы еду, заезжаю к нему. Что-нибудь сготовлю. Очень любил он тушеное мясо, гуляш... Ноги его совершенно не действовали. Он опирался на костыли, были плечи такие широкие, крепкие. Вот часто пишут, что он был прикован к постели. Это не так. Скорее он был прикован к столу. Работал очень много. Всегда был опрятно одет, обычно в костюме. И ни разу я не видела, чтобы он когда-то лежал. Пытался дома делать всё сам – и посуду помыть, и прибраться... Не любил, когда обращали внимание на его физический недостаток, стеснялся этого. Не нравилось ему и то, когда журналисты расписывали, как он в снегах замерзал. Никак не хотел, чтобы это подчёркивали. Дескать, он не потому заслуживает внимания, что инвалид, а потому – что писатель. Мужественный был человек. Никогда про болячки свои не говорил. Чего ему всегда не хватало – общения с писателями. Зато бывал он частым гостем в школах, много общался со школьниками, а особенно с учителями литературы и краеведами. Дарил свои книги с автографами, даже и ученикам. Летом иногда он самостоятельно выбирался к театру оперетты, сидел на скамейке, а то и стоял, опираясь на костыли. А однажды, на мой день рождения, он прибыл к нам домой, к «Орбите», – приехал на такси и сам поднялся по лестнице на четвёртый этаж! Ни вина, ни водки он совершенно не употреблял».

В апреле 1964 года ему исполняется 50 лет. В областных и городских газетах выходят статьи и очерки, посвященные его юбилею. Об этом красноречиво свидетельствуют и дневниковые записи Небогатова:

«Суббота, 4 апреля. Вчера чествовали Виталия Рехлова в связи с его пятидесятилетием. Ездили к нему большой группой: Женя, Володя, Волошин, Блинов, Павловский, Витя Баянов, представители обкома партии (Карпенко) и комсомола, Анатолий Иванович Кыков (первый издатель), Банников. Была Чигарёва с телевидения с оператором, снимали на киноплёнку... Мы с Витей подарили Рехлову свои сборники. Обкомы наградили его грамотами, отделение преподнесло адрес и подарок – прибор (часы и ручка); «Комсомольцы» – билет (бессрочный) корреспондента, издательство – тоже что-то. В общем, дай Бог всякому из нас заслужить ко дню своего юбилея такого внимания и участия. Рехлов был очень растроган. Здоровье его совсем плохо: ноги отнялись окончательно, даже сидеть ему трудно (сидит на специально сделанном стуле)...»

Временами Рехлову удаётся съездить «к югу», подлечиться и отдохнуть. В Крыму, в Коктебеле, была литфондовская дача, куда в 50–70-е годы могли съездить даже писатели из провинции, и не по одному разу.

Вспоминает Г. Е. Юров: «В 1974 году мы с женою поехали в Коктебель. А там бывал и Рехлов раньше, видимо, несколько раз. Мы передали от него привет «тамошней библиотечарше» Анне Ивановне, миловидной женщине. Она рассказала, что была очень дружна с Виталием Степановичем, переписывалась с ним. И к нашему отъезду собрала ему посылку с яблоками – фанерный ящик, с дырочками, но без ручки. Груз этот был очень неудобен – так мы с ним намучались. Приехали в Кемерово, передали Рехлову. Он был счастлив, чуть ли не плакал, а может, и плакал даже. Я ещё подумал: хоть бы по яблочку нам дал за то, что мы ему посылку из такой дали привезли. Но он почему-то не сделал этого. Прошло, наверное, с месяц, может, больше. И он вдруг передаёт нам яблоки. Ну, если не половину, то треть того, что мы ему привезли. Оказывается, всё это время у себя в квартире он раскладывал их, перекладывал, подолгу вдыхал их аромат и не мог нады-

шаться запахом этих свежих крымских яблок...»

Это лишь один небольшой эпизод из жизни большого писателя, который наполнял её каким-то особым содержанием, смыслом.

Заполучив хотя бы однажды вирус сочинительства, не так-то просто в дальнейшем от него избавиться. Тем более если писатель ограничен в возможностях свободного физического передвижения. К тому же, ещё в 60–70-е годы человек с удостоверением члена Союза писателей СССР приравнивался к работающему. На гонорары от издания книг многотысячными тиражами можно было жить по тем временам достаточно безбедно.

Верный теме своей и избранному пути, В. С. Рехлов задумывает написать продолжение своих повестей. И опять идёт сбор уже нового материала. И повзрослевших героев-рекрутов он переносит теперь на Алтай, в Сузун, на медеплавильный завод, при котором есть ещё и монетный двор.

Так появляется новая повесть «Монетные ученики». Отрывки из неё печатаются в газетах «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса».

«Стоит завод на берегу Сузуна – медеплавильный, а при нём монетный двор. На всю Сибирь деньги чеканят, а первее всего – для нужд Барнаульской горной канцелярии, для оплаты рабочим да приисковым мужикам, со своим гербом, где вместо орла – два соболька. Многие мешки денег. И, конечно, соблазн для людей большой. Деньги ведь! Всякий старается добраться поближе и зачерпнуть в свой карман. Кто-то от нужды великой, с голода, а есть которые и по другой стати... Бегут людишки. От тягот заводских, от кнутабойства да изгони приставников. Потому слободка разбита на кварталы, чтобы люди на постоянном счёте были...»

Домишки заводского начальства стоят рядком, под защитой стены крепостной, а вот рабочих расселяют в избёнках слободских. Живут в тесноте. Встают до рассвета, торопливо собираются, и на полсуток – на завод, к смрадным печам, пыльным толчейням, в жар плавильной фабрики. Ближе к заводскому частоколу – низенькие казармы.

В них тоже работные, но те, кто даже избёнку – четыре стены поставить не в силах.

...Звон била два раза в сутки напоминает мастеровым, что они – крепостные, и жить им не по своей воле, а по регламенту для работных царских Колывано-Вознесенских заводов и рудников. Не щадя живота, должны они быть две недели подряд в заводской работе: обжигать, плавить и переплавлять руды».

Уже в этом небольшом отрывке явно угадывается незаурядный писательский стиль и педантичность во всём – в описании быта работных людей, их нелегкого, почти каторжного труда, технологических процессов.

Удаются ему и портретные зарисовки – от внешнего вида и до характеров, поведения героев и персонажей. Так «шмельцера» (плавильщика) он представляет нам как мужика угрюмого, пышнобородого, смоляно-чёрного, волосы даже из ушей лезут, прозванного Лешаком. Совсем иной – добродушный увалень Илья – в заношенной холщовой рубаше и таких же штанах. А вот – разлившик Василий Расторгуев – Полторы сажени – так его окрестили за высокий рост, человек удивительно спокойный, с доброй улыбкой на лице. Засыпщик Пимен Тюриков – мужичонка юркий, с беспокойными глазами и белёсой кудельной бородкой. «Сквозной» герой трилогии Тишка показан в динамике, в контексте исторического времени: ребёнок, подросток, молодой рабочий, с малых лет терпящий эксплуатацию, учится понимать жизнь такой, какова она есть, копит про запас ненависть к тем, кто издевается над трудовыми людьми.

Помимо повестей, пробует себя Виталий Степанович и в качестве новеллиста. Но и тут он остаётся верен избранной теме и родному краю. В этом отношении примечателен рассказ «Крещение», который был напечатан в журнале «Огни Кузбасса» всего за год до кончины писателя, в № 2 за 1974 год.

Место действия рассказа – деревушка Чарлык на реке Кондоме – «не деревня даже, а так, заселок вокруг редута. От самого Томска и до сердца

Алтая протянулась эта цепочка крепостей, редутов Кузнецкой сторожевой линии. Надёжно защищает улусы и деревни от набегов джунгар». Даже новенькая церковка «цыплячьей желтизны зорко уставилась слюдяными оконцами на Кондому и лесное заречье, высоко взметнув с купола деревянный крест».

Время действия – XVIII век, начало активного освоения юга Западной Сибири. Каким же должно быть писательское воображение или наблюдательная память, чтобы больному человеку, в четырёх стенах, так сочно написать картины весны по кузнецким крутогорьям и непролазной тайге! «Гордо вскинув головки, рдели алые саранки, красовались кандыки и желтые хлебенки. В таёжных затишках, под строгой охраной ёлок и пихт, робко теснились голубые незабудки».

«Крещение» – рассказ-быль написан с элементами легенд и преданий. Он – о любви молодого казака Дениски Летаева и туземной девушки-шорки Торты. Чтобы им соединиться, нужно принятие языческой девушкой христианской веры, то есть совершить обряд крещения. На этом настаивает и христианский миссионер – священник Смарагд. Естественно, этому противятся шаман Керге и бай Мултык, намеревающийся взять себе Торты четвёртой женой, заплатив родителям девушки богатый калым. Финал рассказа трагичен. Крещению девушки противятся и её родители – отец Апанас и мать Текле, подстрекаемые шаманом и баем. Текле в знак протеста «осквернения» дочери обрядом крещения повесилась: «...на суку, склонившемся над самой оградой, висела Текле, и лёгкий ветерок трепал её жиденькие седые косички, затенявшие мёртвое лицо». Разъяренным примчался к церквушке отец Торты Апанас. Между ним и священником завязывается драка: «...чувствуя, что Апанас настигает, Смарагд, трусливо бежавший вдоль обрыва, вильнул влево, тут же повернул направо и... прямо угодил на Апанаса. Все видели, как Апанас впился в шею попа. Несколько мгновений на обрыве шла яростная молчаливая борьба, а затем две намертво схватившиеся фигуры исчезли за обрывом».

...С той поры минуло много лет. «Исчез на Кондоме и заселок с редутом, и церкви не стало. Только молва людская по сей день зовёт ту скалу у Чарлыка скалой Горя. Всю жизнь туда приходила и слёзы лила казацкая жонка Торты Летаева».

Своё шестидесятилетие писатель Рехлов встречает за письменным столом, дорабатывает повесть «Монетные ученики».

А в замыслах – новая книга «Кольчугинские зори». Сюжетом книги послужил один из трагических эпизодов – уже революционного движения в Сибири – мартовское Кольчугинское восстание шахтёров против колчаковского режима. Ещё пишутся первые главы книги, а уже новые неизданные тропы вновь зовут писателя-слепопыта в очередной творческий поход. И главным героем книги должна стать комсомольская юность Кузбасса времен первых пятилеток...

«Среда. 3 апреля 1974 год. Сегодня в пять вечера в Союзе чествование Виталия Степановича Рехлова, в связи с его 60-летием, – сделает запись в дневнике Михаил Небогатов. – Звонил Мазаев, предлагал мне выступить от имени писателей. Я попросил его найти кого-нибудь другого, так как говорить не мастер. Выступит Чигарёва, а я прочитаю стихотворный автограф и подарю ему «Спасибо сентябрю». По просьбе Мазаева же, написал четыре строки под дружеским шаржем, обыграв название его книги «Горные рекруты»:

*Переплыл, забыв покой,
Лет большую реку ты.
Но на вид ещё такой,
Что годишься в рекруты!*

Мазаеву понравилось. А на книге автограф такой:

*Многими любим Рехлов-Туманов.
Дорогой Виталий, так держись!
Пусть из исторических туманов
Твой талант высвечивает жизнь!*

По свидетельствам Г. Юрова и М. Небогатова, Виталий Рехлов и после своих шестидесяти довольно активно участвовал в работе писательской организации. Бывал на собраниях, заседаниях правления и редколлегии журнала. Его приглашали в школы и библиотеки для выступлений перед читателями. И он, опираясь на костыли и испытывая невероятные страдания и физические муки, держался изо всех сил.

5 и 6 мая 1975 года в дневниках Михаила Александровича Небогатова сделаны последние записи, в которых упоминается Рехлов:

«Умер Виталий Степанович Рехлов. Была какая-то операция. Прошла хорошо, но через неделю не выдержало сердце – инфаркт. Умер ещё 1 мая, а хоронили его сегодня, 5 мая – из-за праздников...»

...Кончина Виталия навела меня вот на какие мысли. Все мы, как говорится, под Богом... Писатель должен писать. Но все ли мы активно пишем? Большинство из нас трагит время впустую, это не секрет – на пустопорожную болтовню, на ненужные встречи, на всякие заседания, собрания. А замыслы чего-то всё откладываем на неопределённое время, на завтра, которого может и не быть. Это простительно людям рядовым, но не творческим. След остаётся только от рукописей, книг...»

И такой вот след, если и не свою колею, то уж, во всяком случае, свою торную тропу – в послевоенной отечественной литературе историко-краеведческого направления, вне всякого сомнения, оставил прозаик Виталий Степанович Рехлов.

Похоронен Виталий Степанович Рехлов на кладбище Кировского района города Кемерово.

А найденная фотография писателя по праву займёт своё место в фотогалерее Дома литераторов Кузбасса.

И книгами его будут интересоваться не только коллеги-писатели, краеведы да исследователи литературы Кузбасса, но и все школьники со студентами, изучающие «региональный литературный компонент», и многие, многие другие.